

РУССКО-УЗБЕКСКАЯ ЗООМОРФНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: СЕМАНТИКА, ОЦЕНКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Мусаев Бек Мустафаевич

Учитель русского языка и литературы
частной школы “Edu Nova” города Ферганы
<https://doi.org/10.5281/zenodo.20068485>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования зооморфных образов в русской и узбекской фразеологии. Особое внимание уделяется тому, каким образом названия животных в составе устойчивых выражений приобретают переносное значение и используются для характеристики человека, его поведения, нравственных качеств, социального опыта и эмоционального состояния. На материале русских и узбекских фразеологических единиц выявляются общие и национально-специфические черты зоонимической образности. Доказывается, что зоонимы в составе фразеологизмов выполняют не только номинативную, но и оценочную, экспрессивную и культурно-интерпретационную функции.

Ключевые слова: зооним, зооморфный образ, фразеологизм, русский язык, узбекский язык, оценочность, лингвокультурология, национальная картина мира, сопоставительный анализ.

В современной лингвистике фразеология рассматривается не только как совокупность устойчивых словосочетаний, но и как особый пласт языка, в котором отражаются культурная память, ценностные ориентиры и образное мышление народа. Особое место в этом процессе занимают фразеологические единицы с компонентами-зоонимами, то есть с названиями животных. В подобных выражениях животное, как правило, перестает восприниматься исключительно как биологический объект и превращается в символ определенного человеческого качества, поведения или социального типа.

Зоонимы в составе фразеологизмов обладают высокой образной емкостью. Они позволяют кратко, эмоционально и выразительно передать оценку человека. Например, в разных языках лиса нередко ассоциируется с хитростью, волк — с опасностью, заяц — с трусостью, осел — с упрямством, собака — с тяжелым трудом, преданностью или низким социальным положением. Такие ассоциации складываются не случайно: они формируются на основе длительного опыта наблюдения человека за животным миром, а затем закрепляются в языке и культуре.

Фразеологическая система русского и узбекского языков дает богатый материал для сопоставительного изучения зооморфных образов. Оба языка обладают развитым фондом устойчивых выражений, в которых названия животных используются для характеристики человека. При этом часть образов имеет универсальный характер, поскольку основана на общечеловеческом опыте. Другая часть отражает национально-культурную специфику, связанную с образом жизни народа, хозяйственными традициями, природной средой и системой ценностей.

В русской фразеологии широко представлены устойчивые сравнения и выражения с названиями животных. Так, выражение хитрый как лиса передает представление о ловкости, изворотливости и способности достигать цели обходным путем. Образ лисы в данном случае выступает как символ умной, скрытной и расчетливой хитрости. Фразеологизм голоден как волк обозначает сильный голод, но одновременно вызывает представление о хищной энергии и внутреннем напряжении. Выражение трусливый как заяц строится на традиционном восприятии зайца как пугливого и беззащитного животного. В выражении упрямый как осел компонент “осел” служит средством отрицательной оценки чрезмерной настойчивости, не связанной с разумной целеустремленностью.

Сходные семантические модели наблюдаются и в узбекской фразеологии. Например, выражение *tulkiday auuog* соответствует русскому “хитрый как лиса” и характеризует человека как ловкого, расчетливого и склонного к обманной изобретательности. Фразеологическое сочетание *bo'ridek och* передает значение крайнего голода и внутренней напряженности. Выражение *quyondek qo'rqoq* используется для характеристики трусливого человека, а *eshakday qaysar* — для обозначения упрямства и нежелания изменить принятое решение. Эти примеры показывают, что в русском и узбекском языках существует ряд общих зооморфных ассоциаций, основанных на сходном восприятии животных.

Однако наличие сходных образов не означает полного совпадения их культурных функций. Каждый язык по-своему распределяет акценты и формирует собственную систему оценок. В русском языке особое значение имеют образы волка, медведя, лисы, зайца, кота, гуся. В узбекском языке более активно функционируют образы коня, верблюда, овцы, осла, собаки, волка. Это объясняется различиями в историческом быте, природной среде, хозяйственной деятельности и культурной символике.

Особенно показательным является образ овцы в узбекской фразеологии. В выражении *qo'u og'zidan cho'r olmagan* передается значение кротости, безобидности и мягкости характера. Дословно данное выражение означает человека, который “даже соломинки изо рта овцы не вынул”. В нем образ овцы связан не столько с глупостью или пассивностью, сколько с миролюбием, незлобивостью и нравственной мягкостью. В русском языке образ овцы также может быть связан с покорностью, однако аналогичная формула не обладает такой же устойчивой культурной выразительностью.

Значительный интерес представляет и зооним “собака” / *it*. В русском языке собака входит в состав множества фразеологических единиц: собаку съел, как собаке пятая нога, собачья жизнь, устал как собака. В этих выражениях реализуются разные оценочные значения: опытность, ненужность, тяжелое существование, крайняя усталость. В узбекском языке компонент *it* также широко используется: *itday charchamoq* — сильно устать, *itday ishlamoq* — очень тяжело работать, *it hurar, karvon o'tar* — собака лает, караван идет. Последнее выражение особенно важно с культурной точки зрения: оно передает мысль о том, что устойчивое движение, цель и дело не должны останавливаться из-за внешней критики или бесполезного шума.

Образ волка в обеих лингвокультурах имеет ярко выраженную оценочную нагрузку. В русском языке встречаются выражения волчий аппетит, смотреть волком, волк в овечьей шкуре. В них волк ассоциируется с опасностью, агрессивностью, скрытой

угрозой или сильным голодом. В узбекских пословицах и фразеологических формулах волк также сохраняет значение хищной природы, силы и неизменности характера: bo'ri bo'riligini qilmay qo'umas. Данная формула подчеркивает, что сущность человека или явления не всегда меняется внешними обстоятельствами. Таким образом, в обоих языках волк является знаком силы, но эта сила чаще получает отрицательную или настороженную оценку.

В отличие от волка, образ медведя более характерен для русской культурной картины мира. Такие выражения, как медвежья услуга, медведь на ухо наступил, неуклюжий как медведь, актуализируют признаки грубой силы, неловкости, неумелости или чрезмерной прямолинейности. Значимость данного образа связана не только с природно-географическими условиями, но и с его устойчивым присутствием в русской фольклорной и культурной традиции. В узбекской фразеологии медведь не занимает столь центрального места, поскольку в традиционной картине мира узбекского народа более значимыми оказываются животные, непосредственно связанные с повседневной жизнью: конь, верблюд, овца, осел, собака.

Образ коня в узбекской культуре обладает особой символической ценностью. Конь ассоциируется с движением, достоинством, свободой, дорогой, силой и социальным статусом. В традиционном быту конь был не только средством передвижения, но и показателем мужества, благородства и жизненной энергии. Поэтому фразеологические и пословичные выражения, связанные с конем, часто несут положительную или уважительную оценку. В русском языке образ коня также присутствует, однако его культурная нагрузка распределяется иначе и не всегда совпадает с узбекской системой образов.

Следует подчеркнуть, что зоонимы в составе фразеологизмов выполняют несколько функций. Во-первых, они служат средством образного обозначения качества. Во-вторых, они выражают эмоциональное отношение говорящего. В-третьих, они передают культурно закрепленную оценку. В-четвертых, они помогают сделать речь более выразительной и запоминающейся. Например, простое слово “хитрый” передает значение прямо и нейтрально, тогда как выражение хитрый как лиса усиливает образность, делает оценку более наглядной и эмоционально окрашенной.

Сопоставительный анализ показывает, что русская и узбекская зооморфная фразеология развивается на пересечении универсального и национально-специфического. Универсальность проявляется в том, что разные народы сходным образом воспринимают некоторые повадки животных. Именно поэтому лиса часто становится символом хитрости, заяц — трусости, волк — опасности и голода, осел — упрямства. Национальная специфика проявляется в выборе центральных образов, в степени частотности тех или иных зоонимов, а также в оттенках положительной или отрицательной оценки.

Зооморфные фразеологизмы являются важным источником изучения национальной картины мира. Через них можно понять, какие качества общество одобряет, какие осуждает, какие формы поведения считает достойными, а какие — нежелательными. Например, трудолюбие, стойкость, опытность, осторожность и достоинство могут получать положительную оценку, тогда как трусость, упрямство, грубость, обман и агрессивность чаще оцениваются отрицательно. При этом одно и то

же животное в разных контекстах может передавать разные значения. Собака может ассоциироваться как с тяжелым трудом и низким положением, так и с выносливостью; волк — как с опасностью, но одновременно и с силой; конь — с благородством, движением и свободой.

Таким образом, зоонимическая фразеология представляет собой ценный материал для лингвокультурологического анализа. Она показывает, как язык преобразует наблюдения за животным миром в систему оценок, применяемых к человеку и обществу. В русской и узбекской фразеологии зоонимы служат не просто словами, обозначающими животных, а культурными знаками, через которые выражаются представления о характере, поведении, нравственной норме и социальном опыте.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что зоонимы в русской и узбекской фразеологии являются важным средством выражения оценочного отношения к человеку. Они помогают передать особенности характера, поведения, эмоционального состояния и жизненного опыта через яркие и понятные образы животного мира. Сходство ряда зооморфных ассоциаций объясняется универсальным человеческим опытом наблюдения за животными, тогда как различия обусловлены национальной культурой, традиционным бытом и исторической памятью народа.

Русская и узбекская фразеология демонстрирует как общие семантические модели, так и уникальные национальные особенности. Для русского языка более характерны образы медведя, волка, лисы, зайца, кота; для узбекского — коня, верблюда, овцы, осла, собаки и волка. Эти различия показывают, что зооморфная образность является не только языковым, но и культурным явлением. Изучение подобных фразеологических единиц способствует более глубокому пониманию национальной картины мира, межкультурной коммуникации и механизмов образного мышления.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе языка и культуры. — Москва: Флинта; Наука, 2005. — 280 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. — 3-е изд. — Москва: Академия, 2007. — 208 с.
3. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. — Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. — 464 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — Москва: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, прибауток, загадок, поверий. — Москва: Русский язык, 2000. — 616 с.
6. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. — Тошкент: Ўқитувчи, 1978. — 407 б.
7. Ўзбек халқ мақоллари / тузувчилар: Т. Мирзаев, А. Мусоқулов, Б. Саримсоқов. — Тошкент: Шарқ, 2005. — 512 б.